

ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГЕОГРАФИИ

УДК 338:91

МЕТРОПОЛИИ И МЕТРОПОЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

© 2014 г. А.Г. Дружинин

*Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем
Южного федерального университета*

Поступила в редакцию 04.02.2013 г.

Сформулировано концептуальное видение метрополизации как одной из доминантных тенденций эволюции территориальной организации общества в постсоветский период и приоритетного аспекта актуализированных в современной России исследований географии власти. Предложена теоретическая модель пространственной структуры метрополии.

Одной из наиболее рельефных и масштабных тенденций территориальной организации современного российского общества выступает концентрация хозяйственной и селитебной активности в крупнейших городах, многоаспектная и “разноскоростная” качественная модификация всей урбанистической среды [1, 12, 23, 28, 37, 43]. “Города в революции” – так достаточно точно и образно охарактеризовал реалии урбанистического развития нашей страны один из зарубежных исследователей современной России, французский географ Дени Эккерт [51]. “Сжимаюсь”, становясь все более фрагментарным [37], социально-экономическое пространство Российской Федерации как бы “выстраивается” вокруг немногих крупных и “действительно городских” центров, а также достаточно редкой (особенно в восточной макроне страны) “россыпи” региональных столиц. Корреспондируя с универсальными тенденциями [52, 55, 56] и инициируя усилия российских географов в сфере геоурбанистики, происходящее в существенной мере детерминировано политико-экономическими изменениями, что неизбежно выводит на авансцену научного анализа базовую в общественном знании проблематику *власти*, в том числе и в её экономико-географическом звучании.

Тематика территориальной организации (географии) власти для российских географов-обществоведов в целом нова, хотя отдельные её ас-

пекты в научной литературе, безусловно, акцентированы и ранее. Правомочность и необходимость изучения политико-географической реальности неизменно постулировали лидеры нашей национальной научной школы Н.Н. Баранский [4], Ю.Г. Саушкин [41], С.Б. Лавров [24]. Замечательные образцы экономико-географического анализа былой колониальной системы являют труды И.А. Витвера [7]. Доминирующую в последующий период модель “зависимого капитализма” иллюстрируют работы В.В. Вольского, подчеркивавшего, что “зависимость тех или иных стран измеряется прежде всего силой контролирующего их капитала, степенью привязанности к империалистическим метрополиям через экономические, научно-технические и банковские каналы” [8]. К изучению территориальной расстановки политических сил призывал И.М. Маергойз [29]. Концентрацию богатства в городских агломерациях (на Западе) констатировал Г.М. Лаппо [26]. В отечественной общественной (социально-экономической) географии вообще сложилось так, что многие важные для познания постсоветской реальности аспекты научного анализа, генерированные страноведением, прорисовывались при исследованиях зарубежной (капиталистической) действительности. Обращенные же на собственную территорию российские (советские) экономико-географические исследования вплоть до второй половины 1980-х гг. фокусировались не на “политике” и “власти”, а на феномене “управления” (лишь одной из форм проявления и способов реализации власти), неизменно имплантируемого

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект 12-06-00034-а).

в структуру территориальной социально-экономической системы [2, 40, 46, 47 и др.].

Корреспондирующий с “перестроечными” веяниями и последующими политико-экономическими трансформациями зримый “поворот” экономико-географической науки к политико-географической тематике (индицируемый публикациями В.А. Колосова, Н.В. Каледина, С.Б. Лаврова, Н.С. Мироненко, С.Б. Слевича, Л.В. Смирнягина, В.С. Ягьи и др.) базировался на адекватном понимании “дефицита выявленных взаимосвязей географии и политики” [9]. Подчеркивая, что “одной из задач политической географии должен стать анализ территориальной дифференциации социальной структуры...”, С.Б. Лавров и С.Б. Слевич постулировали, в частности, необходимость “исследования такого политического явления, как номенклатурно-бюрократический слой в аспекте политико-территориальной организации общества” [25, с. 22]. На наличие особого рода отношений, “складывающихся по поводу меры участия населения региона в распоряжении ресурсами общества”, обращали внимание М.Н. и Н.М. Межевичи [35]. Отдельные географические аспекты исследования феномена власти (в том числе и нарождающегося крупного бизнеса) в последующий период находили свое отражение в публикациях Р.Ф. Туровского [45], Д.Н. Замятина [15], Н.В. Зубаревич [16].

Стремительно прогрессируя по ряду актуализированных меняющимся социальным контекстом направлений (электоральная география, политико-географическая лимология, различные аспекты геополитики и политической регионалистики), постсоветская общественная география демонстрирует все возрастающий интерес к междисциплинарной сфере “пространства власти” [22]. Акцентируя проблематику “геократии” [15], продуцируя представление о “фактических управленческих структурах” [45], переосмысливая применительно к российской ситуации теорию “центральных мест” [48], существенно продвинувшись в решении задачи комплексного пространственного анализа феномена власти она, тем не менее, к сожалению, пока так и не смогла.

Впрочем, вряд ли это “вина”, упущение конкретных исследователей: власть как социально-экономический и политико-культурный феномен всем своим существом не “вписывается” в узкодисциплинарные рамки; в своей завершенности, полноте она способна получить адекватную научную интерпретацию лишь в контексте общего анализа территориальной организации общества, его мейнстрима, включая полимасштабные ин-

теграционно-дизинтеграционные процессы, пространственную социально-экономическую поляризацию, рост крупнейших городов и сфер их влияния и т.п. Подчеркну также, что обрести значимость, стать приоритетной для исследователей, **география власти** (и, прежде всего, власти политической и экономической в ее сфокусированном на современные российские реалии виде) могла лишь онтологически “выкристаллизовавшись”, создав устойчивые, имплантированные во внешнюю среду формы, вновь (после политической дезорганизации конца 1980-х – начала 1990-х гг.) проявив себя как детерминанта всей территориальной организации общества.

Новые времена – новые пути в науке [21], мудро констатировал один из признанных классиков отечественной экономической географии Н.Н. Колосовский. Именно в последние годы, когда политико-экономическая ситуация в России обрела подобие устойчивости и завершенности, а соответствующая ей территориальная организация общества – новый формат, вызрела настоятельная необходимость полномасштабно ввести проблематику власти в предметно-содержательную сферу общественной географии. Один из приоритетных, логично вписывающихся в наработанные ранее теоретические концепты путь прочерчивается “на стыке” с геоурбанистикой и видится в развертывании исследований географо-политико-экономических феноменов, которые, следуя традиции и ориентируясь на постепенно нарабатываемую современную русскоязычную практику [13, 33, 42, 49], уместно терминологически обозначить как “метрополия” и “метрополизация”.

Власть – это возможность и способность осуществлять свою волю; так полагал М. Вебер [6], и предложенное им определение, сохраняя актуальность, в целом доминирует в социологии. Географический же аспект феномена власти разнопланов и проявляется в следующих сопряженных аспектах:

- воздействию геопространства (его свойств, факторов и тенденций саморазвития) на власть, ее формы, модели, механизмы;
- влиянии власти (как функции, “силового поля” и, наконец, института в его культурно-цивилизационных и иных локализованных формах и проявлениях) на географическое пространство, его таксоны;
- объективном по своей природе формировании и развитии властных отношений “внутри” самого географического пространства, между его отдельными территориальными составляющими,

ситуации, когда власть (в первую очередь в ее политико-экономической ипостаси) не только обретает конкретные территориальные контуры, но и выступает в качестве системоформирующего, структурирующего и конструирующего территориальную организацию общества института и механизма.

Олицетворяя названное выше триединство аспектных проявлений географии власти, **метрополия** (как понятийно-категориальный конструкт и одновременно общественно-географическая реальность) воплощает в себе фактическую, универсальную, реализуемую в конкретных геопространственных формах способность одних территорий осуществлять “свою волю” по отношению к другим территориям. Формирование и развитие метрополий, их сети, иерархии (составляя суть процесса **метрополизации**) сопровождается установлением практики *экономического* (через рентный, ценовой и бюджетный механизмы, системы внутрикорпоративного перераспределения прибыли и др.), *политического* (институционализированный статус, локализация структур государственного управления территориями) и *социально-культурного* (историческая колея “столичности”, притягательность образа и уровня жизни) доминирования ведущего пространственного ареала и, прежде всего, собственно городского центра. Будучи (как и любой иной общественный феномен) по своей природе двойственным (объективно-субъективным, вещественно-невещественным, чувственно-сверхчувственным [32]), метрополизация являет собой процесс формирования системы власти над геопространством и одновременно территориальной организации (*территориализации*) самой власти, реализуемой, в том числе, и в форме метрополий.

Важнейшим и наиболее очевидным проявлением метрополизации служит “полюсность” крупнейших городов и многократно акцентированная в экономико-географической литературе их “контрастность” на общем территориально организованном фоне [11, 12, 28, 42 и др.]. Иным существенным, параллельно реализуемым моментом данного процесса (по В. Колосову, О.И. Вендиной и Д. Эккерт [20]) выступает выстраивание достаточно жесткой зависимости между городом и его периферией.

Урбоориентированной кластеризации власти благоприятствуют проявляющие себя в качестве универсальной закономерности территориальная концентрация научно-инновационного потенциала, финансов, собственности (и доминантных собственников), неравномерная обеспеченность

территорий инфраструктурой, исторически сформированное в крупнейших городах (и продолжающееся воспроизводиться благодаря центроориентированным вертикальным и горизонтальным связям) наиболее благоприятное состояние хозяйственной и поселенческой среды. Способность ведущих городских центров выступать в качестве основного аттрактора метрополий, ареалов локализации их ядерных элементов, обусловлена также предопределяемым традицией либо законом или статусом отдельных населенных мест (превращающих их не только в “территориально-политическую систему де-юре” [19], но и в наднациональные образования, своего рода государства в государствах, в геополитических и геоэкономических субъектах глобального масштаба [54]). Столь же существенно и наличие особого имиджа ведущих городских центров и основывающееся на нем культивирование, в определенных стратах общества, моральной убежденности в праве таких на политические, экономические решения и, связанные с ними, полномочия, привилегии.

Чтобы существовать, полагал Ф. Бродель, ему [*городу*] нужно было господствовать над какой-то “империей”, пусть даже крохотной [5, с. 449]. Этот крайне важный для понимания наблюдаемых ныне метаморфоз урбанизации тезис хорошо согласуется с отечественной научной традицией: видением крупных городов как “командного состава” страны (Н.Н. Баранский), средства “овладения территорией” (Г.М. Лаппо). В огромной массе ситуаций, особенно в России, город учреждался именно властью (на это указывал, в частности, В.О. Ключевский [18]), вмеща в себя соответствующие институты, развиваясь и функционируя в доминирующей политической и экономической матрице, выступая ее фокусным элементом. И пусть не всегда и не все метрополии урбоцентричны, чему примеров, в том числе и российских, немало (в ретроспективе, в частности, это крупные помещичьи усадьбы и влиятельные монастыри; в наши дни – родовые аулы и села семей и кланов, доминирующих в социально-экономической повседневности Северного Кавказа) [14], любому “состоявшемуся” городу в той или иной степени присущи черты метрополии. Данная категория, в этой связи, столь же “градоцентрична”, сколь одновременно “политизирована” и “экономизирована”. Она лишь внешне синонимична словосочетанию “крупный город”, равно как и заметно теснящему его термину “метрополис”.

Являя свою геоурбанистическую форму, метрополия – это, прежде всего, *способ пространственной локализации и механизм территориальной детерминации вертикальных политико-экономи-*

ческих отношений, “территориальный опорный каркас” и среда месторазвития, воспроизводства государства, власти в целом. Для ее формирования и функционирования существенны пространственные связи (устойчивые потоки людей, грузов, энергии, информации, капитала), однако определяющими (системоформирующими) и идентифицирующими выступают именно *вертикальные отношения*: “центр” – регионы, регион – муниципальные образования, головная корпорация – дочерняя фирма (филиал), орган регулирования – предприниматели и т.п. Метрополия выступает как единство *стабильности* (благодаря “накопленному” и воспроизводимому потенциалу, обеспечивающей центростремительный вектор инфраструктуре, исторической колее доминирования – легитимизации) и *изменчивости*, того, что видоизменяет статус метрополий, их пространственную конфигурацию (появление новых центров экономической и политической силы и в этом контексте спонтанно меняющееся глобальное позиционирование конкретной метрополии, обновление политических и экономических элит и др.).

Эволюция метрополий корреспондирует с последовательным переливом экономических и демографических ресурсов первоначально из аграрной сферы в индустриальную (в России этот период начался с 1870-х гг. и продолжался фактически до распада СССР), а затем и из индустриальной в третичную и четвертичную (что в полной мере характерно для постсоветского этапа; в этом отношении все современные российские метрополии функционируют в триаде структурных изменений “терциаризация – деиндустриализация – реиндустриализация”). Развитие метрополий предопределяется также последовательным (хотя зачастую и замедленным) преодолением “трения пространства” (наиболее существенным в первую очередь для самих метрополий, локализованных в них корпораций, социально лидирующих слоев и групп), расширяющим ареалы влияния крупнейших городов.

Как верно подметил А.И. Тревиш, за регионализацией развития власти и собственности сплошь и рядом стоят их локализация и урбанизация [43]. Если ориентироваться на данные переписи 2010 г., в городах с населением от 500 тыс. и выше (реально обладающих присущим сложившейся метрополии потенциалом и статусом) проживает почти 44 млн жителей (около 42% всего городского населения страны). В целом же по России, в крупных и крупнейших городах, а также в остальных (уступающих им по численности населения) центрах субъектов Федерации

живет 55 млн или более 52% населения. На их базе формируются разномасштабные групповые системы расселения. Восемнадцать из них объединяют более 1 млн жителей каждая, что в совокупности составляет 43 млн или 30% населения страны. В современном российском обществе (вновь воспроизведшем свою “властоцентричность” и при этом, в сопоставлении с советским периодом, нарастившим черты поляризованности и рентоориентированности) на фоне продолжающей деградировать периферии метрополизация оказалась сопряжена с существенным повышением “институциональной плотности” [50] городского пространства, с резко возросшей и проявившейся его полисубъектностью, увеличением (иногда на несколько порядков) числа акторов пространственно-экономических (локализационных, инвестиционных) решений. Параллельно, именно в метрополиях в полной мере проявился организующий (в том числе и фрагментирующий) территорию эффект земельной ренты, благоприютствуя так называемой “коммодификации пространства” [44], то есть превращению земли в важнейший актив, приоритетный объект долгосрочных инвестиций. Городские территории и в целом недвижимость (а также, наряду с ними, все сопряженные виды хозяйственно-поселенческой активности) обрели ипостась гигантских инвестиционных “пирамид”, чье необходимое для развития метрополии расширенное воспроизводство поддерживается устойчивым притоком составляющих не только спроса (люди, их труд, финансовые инвестиции, городские товары и услуги и др.), но и предложения (земельные участки для дальнейшего освоения, поглощения, капитализации, приватизации, в том числе и “новые”). В меняющемся политико-экономическом и технико-технологическом контексте контроль над землей и капиталом дополняется необходимостью осуществлять властные полномочия над знанием и информацией – неотчуждаемыми факторами современного производства. Это достигается за счет финансизма, монополизма, бюрократизации и криминализации, а также дальнейшей пространственной концентрации ресурсов (включая распределение по принципу – самый большой кусок не голодному, а ближайшему и наиболее сытому [29, с. 251]), что углубляет территориально-социальную стратификацию и сегрегацию.

В постсоветской архитектонике метрополизации в выигрыше оказались главным образом столичные города, в первую очередь федеральные, особенно Москва. Симптоматично, что с конца 1990-х гг. обитатели российской столицы (7.5% населения страны) стабильно получают почти

половину всех доходов от собственности в масштабе России; фактически это означает, что среднестатистический житель общероссийской метрополии имеет доход от собственности в 12.5 раза больше, чем “прочий” россиянин. Сложившийся для общероссийской *мегаметрополии* “габитус доминирования и максимизации собственных интересов...” [36, с. 204] при этом органично сочетается с “габитусом повиновения” (в терминологии французского социолога Пьера Бурдьё) провинции, вполне “осознавшей” (в том числе в контексте существенно возросшей зависимости от дотаций и субсидий федерального центра, экспансии крупного бизнеса в регионы и укрепления “вертикали власти”), что оказаться в выстраиваемом “поле взаимодействия” оказывается “меньшим злом”, чем пребывать вне его. Аналогичное справедливо, впрочем, и для регионального уровня, где также возникла и воспроизводится устойчивая социально-экономическая дистанция между местной “столицей” и иными пребывающими в зависимости от нее территориальными общностями.

Соответствуя логике капиталистического роста [53], пространство региональной метрополии “расширяется”, параллельно становясь “многослойным” за счет соразвития метрополий, “взаимонапластования” ареалов их влияния (взаимодействие центров, согласно В.А. Шуперу, – ситуация принципиально новая, характерная именно для постиндустриального общества [48]) и вместе с тем фрагментарным благодаря, в том числе, многообразию разноуровневых центров, социальной стратификации, неравнозначной способности отдельных страт горожан к “освоению” урбанистического пространства, барьерности существующих административных рубежей. Инфраструктурные дефициты и институциональные барьеры при этом лимитируют взаимодействия между “центральными местами” и отчасти снижают потенциал ведущих метрополий как основных агентов экономической модернизации. Параллельно нарастает противоречие между потребительским потенциалом метрополий (и соответствующих им урбанистических систем), их завышенными социальными ожиданиями (в том числе и со стороны “новых горожан”) и стагнирующей (в ряде случаев и деградирующей) градообразующей базой.

Исторически сложившаяся в России разреженная сеть городов, значительность расстояний, усугубляемая малоэффективным (экономически и технически) транспортом, наличие обширной демографической и экономической “пустыни”, малопризывательной для власти не только трансна-

ционального и федерального, но и регионального масштаба, обуславливает также “лоскутность” постсоветской метрополизации, “вгоняя” процесс в устоявшуюся архитектуру “российского архипелага” [43], ведя к формированию закрытого, выстроенного по сетевоареальному принципу пространства, где рост демографо-экономической “массы” метрополий сочетается с селективной их маргинализацией, с общим углублением межтерриториального неравенства. Это стимулирует процесс “*периферизации метрополий*”, в котором не только устойчиво воспроизводятся характерные особенности российского государства (чья история – процесс аккумуляции господства [31] в структурируемом политической властью пространстве [17]) и географии страны с сетью городов, изначально ориентированных на овладение территорией [27] на основе выстраивания жесткой иерархии [38]), но и все более различим фактор глобальной экономической и политической власти.

Географической основой формирования и воспроизводства метрополий выступают встроенные в сетевые взаимодействия регионального, странового и планетарного уровня узловые (по версии Б.Б. Родмана – коннекционные, централизованные [39]) пространственные структуры. Экономическим базисом метрополизации и метрополий служит развёртывание (выстраиваемого и воспроизводимого в процессе генерирования и распределения статусно-локализационной ренты) специфического территориально-экономического отношения (фактически – системы отношений), которое уместно идентифицировать как *метроэкономику*. На их основе формируются особые *территориальные общности* (полагаю, в данном случае корректно оперировать именно этим понятием, введённым в научный оборот в середине 1970-х гг. М.Н. Межевичем [34] для обозначения некой территориально-локализованной социальной группы) – *метросоциум* (ориентированный на продуцируемые метрополизацией социально-экономические возможности, предпочтения “по местоположению” и др.), включая и *метроэлиту* как узловую, доминирующий его элемент. Их интересы, как правило корреспондирующие с “общегосударственными”, обосновываются и легитимизируются *метроидеологией* (культивирующей градоцентрическую картину мира и акцентирующей “особость” крупнейших городов, их приоритет в обеспечении социально-экономического прогресса и т.п.), продуцируют многообразные проявления *метрополитики*.

Протекая в иерархичном гиперструктурированном пространстве, процесс метрополизации,

в свою очередь, усиливает доминанту линейно-узловых форм территориальной организации общества, формирует и перекраивает мозаику имманентных метрополиям социально-экономических ареалов и зон, выстраивает обновленную конфигурацию социально-экономического и политического регионализма. В урбанизированной, пронизанной разнообразными узловыми районами среде (как “эфир” – радиоволнами [39]) метрополия в своем географическом проявлении может быть соотнесена в первую очередь с тем или иным крупным (крупнейшим) доминирующим в регионе (стране) городом. Констатируя сопряженность “кластеризации власти” и функций того или иного города как “центрального места”, следует одновременно подчеркнуть, что метрополия – это всё же не “центр”, не одиноко противостоящий окружающей периферии “главный город” с четко оконтуренными и институционализированными границами. Любой крупный урбанистический центр по своей сути лишь “вмещает” ту или иную метрополию (выступает таксоном ее локализации, средой месторазвития), причем далеко не в полном геопространственном “объеме”. При этом генерируемая и воспроизводимая метрополией система воздействия на территории (включая интеграцию их в единую территориальную социально-экономическую целостность, навязывание им своих интересов) в существенной мере “выплескивается” за архитектурно-планировочные и административные рубежи крупного города, образуя систему “ядро метрополии – периферийные и вынесенные ее элементы”.

Формируясь на базе лидирующего центра, метрополия представляет собой территориально “распределенную” систему его позиционирования, выстраиваемый в матрице центрo-периферийного взаимодействия ареал его политико-экономической доминации. Данная конструкция в целом соответствует традиционной центрo-периферийной модели и в существенной мере реализует логику взаимодействия “метрополии – колонии” в исторически сложившемся понимании, но лишь с некоторыми оговорками. В их числе – необходимость учета трендов урбанизации, индустриализации и (в последние десятилетия) перехода к постиндустриальной экономике, когда приоритетными “ресурсными территориями” для метрополий все в возрастающей мере становятся и сами крупнейшие города, их инфраструктура, экономико-демографический, инновационный, креативный потенциал. Дихотомия “метрополия – колония” в этой связи в существенной мере утрачивает свою территориальную определённость, поскольку отношения политико-экономического

доминирования реализуются по отношению не только к “периферии”, но и к “центральным местам”, позволяя идентифицировать в структуре “города-метрополии” доминантный ареал локализации власти – “основное ядро метрополии”.

В ядерных элементах метрополии (как правило, это центральные части крупнейших городов либо расположенные за их пределами кварталы и поселки местной элиты) концентрируются федеральные и региональные органы власти, головные офисы (либо офисы региональных филиалов) и наиболее важные сервисные службы крупных хозяйственных структур (холдингов, ФПГ, ТНК и др.), расселяются состоятельные страты населения, формируется необходимая для их жизнедеятельности инфраструктура и архитектурно-планировочная среда. Выступая в качестве территориальных “кластеров власти”, а также локалитетов, реализующих экзогенное политико-экономическое и культурное влияние, ядерные элементы метрополий образуют иерархичные “архипелаги” в полицентрическом геопространстве. В его структуре (при исследовании регионального или странового масштаба) уместно, в частности, идентифицировать как конкретные действующие метрополии, так и иные внешние по отношению к ним центрo-периферийные системы пространственной организации власти (*экзометрополии*), а также территории, оказавшиеся вне прямого влияния метрополизации (внеметропольные ареалы или *антиметрополии*, если следовать подходу к конструированию терминов, предложенному Э.Б. Алаевым [2]). Само же понятие “метрополия” следует в этой связи рассматривать предельно широко, то есть как интегрируемое ее территориально-локализованным ядром “взаимонаслоение” частных (формируемых вертикальными политико-экономическими отношениями) узловых районов (возникающих в результате разделения пространства между производственными, социальными, культурными и другими предприятиями и учреждениями, административными органами, частными собственниками [39]), включающих не только ареально-зональные (зоны влияния), но и линейные (потоки и поддерживающая их инфраструктура) элементы (рисунок).

Отметим и иной, существенный для территориального структурирования метрополии момент – выраженный (особенно в контексте глобализации) диссонанс между собственно территорией того или иного города (региона, страны в целом) и многообразными проявлениями города (региона, страны в целом) на территории. Его наличие предполагает, в частности, возможность иденти-

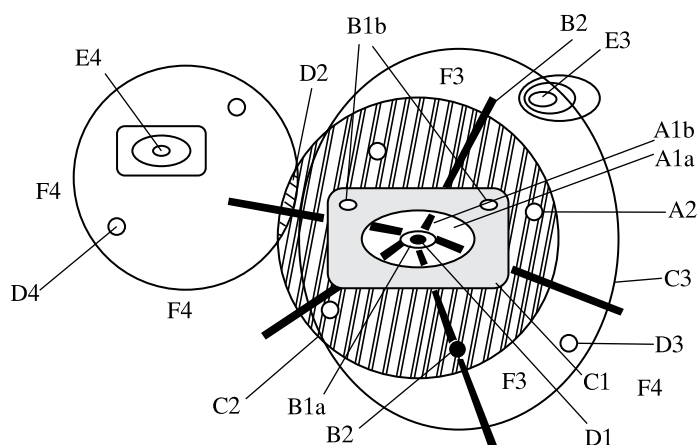

Рисунок. Модель территориальной структуры региональной метрополии

Город-метрополия 1): **A1a** – основное ядро метрополии; **A1b** – вынесенные элементы ядра метрополии в границах города; **B1a** – внутригородские узлы метрополитанизации (административные, офисные, торгово-сервисные центры, вокзалы и привокзальные торговые центры, аэропорты и т.п.) внутри основного ядра метрополии; **B1b** – внутригородские узлы и линии метрополитанизации вне основного ядра метрополии; **C1** – административные границы города

Основной ареал метрополитанизации вне города-метрополии 2): **A2** – внегородские элементы ядра метрополии (элитные загородные коттеджные поселки); **B2** – внегородские узлы и линии метрополитанизации; **C2** – границы основного ареала метрополитанизации; **D1** – субареалы гиперметрополитанизации; **D2** – субареалы трансметрополитанизации.

Регион метрополитанизации 3): **C3** – границы “вмещающего” метрополию региона; **D3** – вынесенные элементы метрополии за пределы основного ареала метрополитанизации; **E3** – экзометрополии в регионе метрополитанизации; **F3** – анти-метрополии в регионе метрополитанизации.

Пространство вне основного ареала и региона метрополитанизации 4): **D4** – вынесенные элементы метрополии за пределы ареала и региона метрополитанизации; **E4** – экзометрополии вне основного ареала и региона метрополитанизации; **F4** – антиметрополии вне основного ареала и региона метрополитанизации.

фикации в геопространстве не только “основного ареала метрополитанизации”, но и вынесенных за его пределы элементов метрополии, благоприятствующих формированию ареалов *гипер*- (наслоение компонент метрополий разного масштаба на компактной территории) и *трансметрополитанизации* (зоны совместного влияния территориальных компонент равномасштабных взаимодействующих между собой метрополий, полизависимые территории). Наличие вынесенных элементов позволяет рассматривать метрополию как однородно-узловой район с неявно прочерченными границами; “привязка” же метрополий к сложившейся системе административно-территориального (политико-территориального) деления предопределяет сетевую-ареальный характер исследуемого

явления, его регионально-трансрегиональную сущность.

“Деление по государственным областям, – почти столетие тому назад констатировал выдающийся немецкий географ А. Геттнер, – избавляет авторов от всякой работы мысли” [10, с. 287]. Метрополия как базовая категория, ориентированная на раскрытие онтологии геопространства власти в условиях урбанизации и одновременно на гносеологическую фиксацию повсеместно наблюдаемой под влиянием политико-экономических детерминант перестройки «жестко иерархизированных структур в структуры типа “многослойных элементов в многослойной системе”» [3], благоприятствует продвижению в познании общественно-географической реальности от “*простого*” (административное и политико-территориальное деления) к *сложному* (узловые районы территориальной организации власти) и далее – к *сверхсложному* (взаимонаслоение и иерархия метрополий, формируемых на основе традиционной региональной сети, “поверх” ее, в дополнение к ней). Она возвращает географов-обществоведов к извечной тематике политико-территориального деления как одной из основ социально-экономического районообразования на базе хитросплетения таксонов территориальной организации власти, акцентируя, идентифицируя, внедряя в научное сознание *сложность простого* и одновременно *простоту сложного*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксёнов К., Брадэ И., Бондарчук Е. Трансформационное и посттрансформационное городское пространство. Ленинград – Санкт-Петербург. 1989–2002. СПб.: Геликон Плюс, 2006. 281 с.
2. Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология. М.: Мысль, 1977. 199 с.
3. Бабурин В.Л. Инновационные механизмы районообразования // Районирование в современной экономической, социальной и политической географии: потенциал, теория, методы, практика. Тез. Докл. Всерос. научн. конф. с междунар. участием. Ростов н /Д: ИнфоСервис, 2004. С. 3–6.
4. Баранский Н.Н. Экономическая география. Экономическая картография. М.: Географгиз, 1960. 235.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Изд-во Весь Мир, 2007. 592 с.
6. Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Давыдова Ю.Н.; предисл. Гайденоко П.П.; коммент. Филиппова А.Ф. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с

7. Витвер И.А. Избранные сочинения / Под ред. Вольского В.В. и Слуки А.Е. М.: Изд-во МГУ, 1998. 593 с.
8. Вольский В.В. Латинская Америка в системе современного капитализма (некоторые вопросы дискуссии) // Латинская Америка. 1979. № 3. С. 111–133.
9. География, политика и культура. Л.: Наука, 1990. 164 с.
10. Геттнер А. География, ее история, сущность и методы. Л.; М., 1930. 416 с.
11. Доманьский Р. Экономическая география: динамический аспект. М.: Новый хронограф, 2010. 376 с.
12. Дружинин А.Г. Пространственное развитие города-миллионера: тенденции постсоветского периода. Ростов н /Д: Изд-во ЮФУ, 2008. 192 с.
13. Дружинин А.Г. Метрополизация как доминантная тенденция территориальной организации общества в постсоветский период: универсальные проявления и южно-российская специфика // Географический вестник. 2009. № 3. С. 54–61.
14. Дружинин А.Г. Метрополизация и региональные метрополии: универсальное и специфическое в южно-российском контексте // Научная мысль Кавказа. 2010. № 3. С. 57–62.
15. Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 352 с.
16. Зубаревич Н.В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. М., 2005. 111 с.
17. Каганский В.Л. Природно-государственный ландшафт северной Евразии: теоретическая география // Социально-экономическая география: традиции и современность. Смоленск: Ойкумена, 2009. С.78 – 100.
18. Ключевский В.О. Сказание иностранцев о Московском государстве. М., 1991. 334.
19. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М. Аспект-Пресс, 2002. 479 с.
20. Колосов В. А., Вендина О. И., Эккерт Д. Региональные центры в условиях глобализации: проблемы сравнительных исследований // Сб. “Крупные города и вызовы глобализации”. Росс.-франц. симп. / Под общ. ред. Колосова В.А., Эккерта Д. Смоленск: Ойкумена, 2003. С. 9–26.
21. Колосовский Н.Н. Избранные труды. Смоленск: Ойкумена, 2006. 336 с.
22. Королев С. А. Бесконечное пространство. Гео- и социогеографические образы власти в России. М.: ИФРАН, 1997. 123 с.
23. Крупные города и вызовы глобализации / Под ред. Колосова В. и Эккерта Д. Смоленск: Ойкумена, 2003. 280 с.
24. Лавров С.Б., Сдаюк Г.В. Современная социально-экономическая география. М.: Знание, 1980. 48 с.
25. Лавров С.Б., Слевич С.Б. Политическая география в условиях перестройки // География, политика и культура. Л.: Наука, 1990. С.21–25.
26. Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. М.: Мысль, 1987. 237 с.
27. Лаппо Г.М. Формирование сети городов на территории России // Проблемы урбанизации на рубеже веков / Отв. ред. Махрова А.Г. Смоленск: Ойкумена, 2002. С.19–33.
28. Лаппо Г.М. Города России: взгляд географа. М.: Новый Хронограф, 2012. 504 с.
29. Левинтов А.В. Штандорт Лас-Вегаса // А. Лёш как философ экономического пространства (к столетию со дня рождения). М.: Эслан, 2007. С. 247–275.
30. Маергойз И.М. Некоторые вопросы политико-географического изучения капиталистических стран // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. М., 1971. С. 34–47.
31. Макаренко В.П. “Свой чужой”: концепт русской власти // Политическая концептология. 2010. № 2. С. 130–174.
32. Мамедов О.Ю. Экономика и экономисты (мучительные вопросы и смутные ответы) // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 2. С. 3–7.
33. Маршан П., Самсон И. Метрополисы и экономическое развитие России // Вопросы экономики. 2004. № 1. С. 3–12.
34. Межевич М.Н. Территориальная общность людей и социальное развитие в условиях социализма // Социологические исследования. 1978. № 3. С. 57–62.
35. Межевич Н.М., Межевич М.Н. Региональная политика и политическая география // География, политика и культура. Л.: Наука, 1990. С. 44–52.
36. Олейник А.Н. Власть и рынок. Система социально-экономического господства в России “нулевых годов”. М.: РОССПЭН, 2011. 438 с.
37. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. Дружинин А.Г., Колосов В.А., Шувалов В.Е. М.: Изд-во Вуз. кн., 2012. 336 с.
38. Пуляркин В.А. Локальные цивилизации во времени и в пространстве. М.: Эслан, 2005. 536 с.
39. Родоман Б.Б. Районирование и трансформация территориальных структур // Институциональная модернизация российской экономики: территориальный аспект / Под ред. Дружинина А.Г. и Шувалова В.Е. Ростов н /Д: ИнфоСервис. 2004. С. 164–168.
40. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с.
41. Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки. М., 1976. 422 с.

42. *Слука Н.С.* Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М.: Пресс-Соло, 2005. 168 с.
43. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
44. *Трубина Е.Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства М.: Новое литературное обозрение, 2010. 520 с.
45. *Туровский Р.Ф.* Политическая география. Москва – Смоленск. Изд-во СГУ, 1999. 381 с.
46. *Хорев Б.С.* Территориальная организация общества. М.: Мысль, 1981. 319 с.
47. *Шарыгин М.Д.* Основные проблемы социально-экономической географии. Пермь: Изд-во перм. ун-та. 1982. 88 с.
48. *Шупер В.А.* Сократический дух теории Августа Лёша // Август Лёш как философ экономического пространства (к столетию со дня рождения). М.: Эслан, 2007. С. 6–16.
49. *Эккерт Д.* Место региональных метрополий в европейских транспортных сетях: от маргинализации к интеграции // Крупные города и вызовы глобализации / Под ред. Колосова В. и Эккерта Д. Смоленск: Ойкумена, 2003. С. 25–36.
50. *Amin A., Thrift N.* “Living in The global” in Globalisation, institution, and regional development in Europe. Oxford University Press. Oxford, 1994. P. 1–22.
51. *Eckert D.* Le mond russe. Hachette Livre. 2005. Paris. 240 p.
52. *Friedmann J.* The world city hypothesis, Development and Change. 1986. V. 17. P. 69–83.
53. *Harvey D.* The Limits to Capital. Oxford: Blackwell, 2006. 469 p.
54. *Lacoste Y.* Géopolitique de grandes villes. Hérodote. 2001. № 101. P. 3–24.
55. *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. 412 p.
56. *Global City-Regions: Trends, Theory, Policy / Ed. Scott A.J.* Oxford: Oxford University Press, 2001. 488 p.

Metropolises and metropolization in modern Russia: conceptual approaches in the context of political geography

A.G. Druzhinin

The North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University

The concept of the metropolization as one of the dominant trends in the evolution of the territorial organization of society in the post-Soviet period is formulated. Metropolization is the priority aspect of studies of the geography of power, which are updated in modern Russia. The theoretical model of the territorial structure of the metropolis is proposed.